

УДК 32.323.2

**ИЗ ИСТОРИИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В РОССИИ: РАЗНОЧИННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ 1860–1870 гг.**

© 2014 г.

А.А. Шириняц

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

jants@bk.ru

Поступила в редакцию 10.07.2014

Рассматривается политическая деятельность русской интеллигенции в 1860–1870-е гг. как одно из первых в России проявлений самоопределения гражданского общества. Раскрывается смысл политической культуры разночинной интеллигенции, сущность русского нигилизма.

Ключевые слова: Россия XIX века, разночинство, русская интеллигенция, нигилизм.

Политическую деятельность разночинной интеллигенции в пореформенной России следует, на наш взгляд, рассматривать как одно из первых проявлений самоопределения гражданского общества в России в качестве политического субъекта. Интеллигенция как социальная общность приходит к осознанию необходимости практического политического действия для осуществления идеалов общественного блага народа в России¹. Процесс их воплощения в действительность мыслится представителями самой интеллигенции по-разному – одни выступают за осуществление социальной революции «сверху», через институты власти и аппарат демократизированного для этих целей самодержавного государства; другие требуют разрушения самих властных институтов (революционным бунтом, в результате насильственного захвата власти) ради того, чтобы в стране стихийно или сознательно свершилась социальная революция и реализовалась гуманистическая утопия крестьянского социализма. Центром культурного пространства революционных идеалов интеллигенции оказались модели общественного переустройства русского общества, как они создавались А.И. Герценом, Н.П. Огаревым, Н.Г. Чернышевским. Их социально-политические теории воспринимались разночинцами как проекты реального политического действия, что не могло не наложить своего отпечатка на понимание политической практики и задач различных революционных кружков, групп и организаций, объединивших разночинцев. Явный приоритет идеи о нравственной мотивации политического действия и поступка, характерный для менталитета разночинцев, свидетельствует о том, что в их становящейся политической культуре уже присутствует момент недоверия к праву, так характерный для политической традиции России.

Для понимания сущности политической культуры разночинной интеллигенции тема отношения нравственности и права представляется нам важной в методологическом плане. Она была связующим звеном в истории политической мысли России на протяжении всей ее истории в XIX веке. Пренебрежительное отношение к праву – общий приговор всех течений русской мысли этого периода – связан с идеализацией общинного коллективизма. Начиная со славянофилов и Достоевского, народники и анархисты были равно склонны видеть в патриархальном крестьянстве воплощение духа истинной, братской общности, которая может легко обойтись без писаных законов и не допустить развития индивидуализма. И те, и другие осуждали гражданские права и политические свободы, доказывая, что они лишь маскируют капиталистическую эксплуатацию. Они считали развитие капитализма и присущую ему «юридизацию» общественных отношений специфическим свойством Запада, привнесенным в Россию. Либеральная концепция правозаконности отвергалась во имя самодержавия или анархии, во имя высших духовных ценностей или материального равенства. Уже славянофилы усмотрели в правовых нормах попытку пагубной рационализации общественной жизни, восходящую к языческому наследию древнего Рима: право как таковое было в их глазах «внешней правдой», заменяющей человеческую совесть полицейским надзором². Герцен видел в неуважении к праву историческое преимущество русского народа – свидетельство его внутренней свободы и способности строить новый мир. Народники отрицали конституцию и политические свободы как орудие буржуазной эксплуатации народа. Русские анархисты относили право, наряду с государством, к инструментам прямого насилия.

Эпоха Просвещения принесла в европейскую политическую культуру образ веры в правовое государство, разумное законодательство и естественные права человека. Просветительский идеал был противоречив. Идея разумного законодательства, которой руководствовался просвещенный абсолютизм, неизбежно приводила к мысли о полной рационализации общественной жизни, тогда как идея естественных прав личности, на которую ориентировался либерализм, существенно ограничивала сферу государственного вмешательства.

Идеи Просвещения влияли на русскую мысль начиная с конца XVIII века. Идеологов самодержавия вдохновлял при этом идеал разумного законодателя; сторонники революционного пути преобразования русского общества декларировали законность прав человека и гражданина; все большую популярность приобретала модель «гражданского» общества как результата выполнения общественного договора, исходящего из прав собственности и личной независимости³. Можно с уверенностью сказать, что в русском просвещенном обществе в это время не было принципиальных сторонников антилегалитета и правового нигилизма.

Ситуация изменилась после поражения восстания декабристов, когда разочарование в идеалах и результатах французской революции привело к пересмотру основ «юридического мировоззрения» (термин Ф. Энгельса). По сути, были поколеблены идеалы «абстрактного разума». Но именно в николаевскую эпоху (названную Герценом удивительной эпохой «наружного рабства и внутреннего освобождения» [5, с. 157]), сложилась та общность мотивов и побуждений, которая позволила заговорить о русской интеллигенции как о «этической категории», как самоизбранной элите разума и совести, чувствующей свою ответственность перед историей, стремящейся к борьбе за народное дело. Естественно, что появление интеллигенции в России в качестве своеобразного продукта вестернизации сопровождалось поиском соответствующих идеалов. Идеология естественного права фактически исчезла из политических доктрин, «правовое мировоззрение» считалось устаревшим, либерализм не мог убедительно защитить себя от обвинений в буржуазности.

Русская интеллигенция критически отнеслась к позитивистскому воплощению либеральных идей, которое демонстрировал Запад, и увлеклась «социализмом» как наиболее прогрессивным идеалом человечества. «Оконченный труд, достигнутый идеал, – писал Герцен, – свершены и достигнуты для всех; это круговая порука прогресса, майорат человечества» [6, с. 186].

Появление в России традиции недоверия к праву и враждебности к либеральным ценностям связаны и с определенной идеологической ситуацией в Европе; это свидетельствует о сложном процессе взаимовлияния культуры Запада и культуры России. Развитие общественной мысли в пореформенной России высветило дилемму морали и права как проблему политической самоидентификации новых участников политического процесса, как столкновение государственной и антигосударственной установок в демократическом движении. Вера в несомненный приоритет нравственного идеала преопределила эволюцию установок политической культуры среди сторонников народнических идеалов. Доминанта права, наряду с идеей государственности, очертила пространство либеральной политической культуры. Отрицание роли права превратилось в точку отсчета для становления политической теории и практики действенного народничества.

Русские проблемы на протяжении всей истории страны – это, главным образом, проблемы преодоления произвола в отношениях между людьми. Без преодоления произвола не могло быть законности, духовной независимости, свободы и прав человека, не говоря уже о раскрепощении личности. Большинству россиян, вследствие нищеты, своеволия государства, бесправия, в гражданском смысле веками недоставало глубокого чувства своей самостоятельности и ответственности. Понимание свободы как морального долга (а не просто воли), осознание своих прав и прав других слишком долго находились в зачаточном состоянии. На протяжении веков русской истории человек массы колеблется между рабской привычкой к повиновению и анархическим бунтом. Не случайно борьба за свободу в России, как она развивалась в XIX веке, была делом меньшинства, а не народного порыва. Как писал Н.Г. Чернышевский, «основное наше понятие, упорнейшее наше предание – то, что мы во все вносим идею произвола. Юридические формы и личные усилия для нас кажутся бессильны и даже смешны, мы ждем всего, мы хотим все сделать силою прихоти, бесконтрольного решения; на сознательное действие, на самопроизвольную готовность и способность других мы не надеемся, мы не хотим вести дела этим способом; первое условие успеха даже в справедливых и добрых намерениях, для каждого из нас то, чтобы другие беспрекословно и слепо повиновались ему. Каждый из нас маленький Наполеон или, лучше сказать, Батый. Но если каждый из нас Батый, то что же происходит с обществом, состоящим из Батыев» [7, с. 616].

Это признание весьма созвучно настроениям современной российской интеллигенции, тяготеющей к либеральным ценностям. Применительно же к оценке реальных событий политической истории XIX века оно не отражает всей многоплановости деятельности интеллигенции тех лет. Эта многоплановость и обусловила неоднородность, полифоничность политической культуры образованных разночинцев. Психологический ареал политических идеалов русского народничества – это и чувство бессилия мысли и идеала в вековой тишине русского общества, и чувство социального и умственного одиночества интеллигента; они нашли свое воплощение как в нигилистическом ниспровержении существующих идеалов и ценностей, так и в своеобразном смирении, умилении перед народом⁴.

Вопрос отношения к народу становился неизбежным для русской интеллигенции уже в силу ее социальных функций в обществе. В менталитете русской пореформенной интеллигенции он приобрел моральную, ценностную окраску. Однако подлинный смысл и содержание этого вопроса – совсем в другом. Он обусловлен самим бытием культуры в ее «высших» и «низших», «элитных» и «массовых», «аристократических» и популистских проявлениях. Демократизация культуры, превращение ее в достояние всего общества (культура есть условие и фактор его оптимального развития) порождает проблему отношения творца и потребителя истин, знаний, ценностей, представлений. Вопрос о социальном окружении интеллигенции – это вопрос о понимании и востребованности массой всех этих истин и идеалов. И сложность присутствия интеллигенции среди участников эмансипаторских процессов в обществе обусловлена именно тем, что далеко не всегда воспринимает ее как реальную силу в процессах общественной трансформации не только «масса», «народ», но и само общество, когда оно выступает как политически организованный социум. То есть чрезвычайно сложным оказывается в истории модерного (индустриального) мира выделение собственно политических функций эмансипаторской группы из всей совокупности ее социальных функций. Этот процесс (в Европе достаточно длительный по времени) совершался в России в значительно более сжатые сроки. Отсюда – его слабая рефлексия в сознании самой интеллигенции⁵.

Ситуация непонимания большинством населения пореформенной России смысла и значения деятельности «образованного слоя», интеллигенции, ее невостребованность и создала иллюзию сочувствия к тому, кто не умеет воспользоваться благами духовной культуры; с ней тес-

но связана и вторая иллюзия – идеализация народа, мужика, возвышенная, романтическая оценка устоев народной жизни, труда на земле, общинной, трудовой этики. И наоборот: разному менталитету труд интеллигентного человека представлялся «непроизводительным», а его польза – сомнительной, кроме тех случаев, когда он непосредственно направлен на удовлетворение нужд народа или на защиту его интересов. Служение народу по необходимости стало верховным критерием, которым определялось достоинство и подчас моральная законность различных интеллигентных профессий. Многие были забракованы, в том числе и такие, как профессии художника, поэта, ученого, писателя. Эти занятия получали свое оправдание лишь в том случае, если писатель, ученый, художник поднимал и разрабатывал вопросы, так или иначе относящиеся к жизни народа, если при этом он был воодушевлен идеей служения народному благу. Соответственно этому классифицировались и идеи, направления, идеалы, тенденции: одни одобрялись как полезные, другие отвергались. Ощущение принудительности этой ситуации передает Д.Н. Овсяннико-Куликовский: «Шел какой-то грозный и безапелляционный суд, тяготевший над русскою мыслью, совестью и творчеством. Правда, не все подчинялись ему, не все признавали его моральный авторитет; было много деятелей, которые не поклонялись этому идолу «народной пользы». Но «идол» был налицо, как «культ» распространялся и приобретал все больше и больше адептов в лучшей части молодого поколения. В начале 1870-х годов это движение приняло, можно сказать, характер эпидемии: сотни лиц, составлявших цвет интеллигенции, шли в народ, отрекаясь от всех выгод своего положения, от всех радостей жизни, от высших запросов мысли и высших благ культуры, принося в жертву Молоху «народной идеи» свои личные интересы, свое счастье, свободу и жизнь» [8, с. 107].

Образованные слои 1820–1830-х годов не знали этой «народнической скорби». Культурное пространство политических установок народничества выросло из интереса и уважения к народу, достигшего своего наиболее полного воплощения в воззрениях И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, А.И. Герцена. В 1830–1840-е годы обостренно воспринимался вопрос национального самосознания. Образование двух течений – славянофильства и западничества и знаменовало оформление процесса пробуждения национального самосознания в мировоззрение, политическую культуру; оба течения в равной мере являлись его выражением. Народничество – это демократизм всех тех, кто не принадлежит к

народу, но целенаправленно размышляет о нем. Этот демократизм мог быть различного характера и достоинства, он мог быть консервативным и прогрессивным, умеренным и радикальным, романтическим и реалистическим и т. д., но, во всяком случае, это факт общественного развития русского общества. И если в 1830–1840-х годах «народнические чувства и настроения все-таки возникали и пробивались наружу, то это было не следствием постановки национального вопроса, а только одним из симптомов той почти стихийной демократизации мыслящего общества, которая является характерным признаком нашей внутренней истории, нашего умственного развития» [8, с. 290]. Споры о политике реформы 1861 года уже не несли в себе этого духа «народнического смирения». «Народолюбие» 1860-х годов не опускалось до слепого преклонения перед народом, до культа мужика, передовые деятели того времени защищали интересы народа, но были чужими в мире его мнений, его мирозерцания. Так складывалась своеобразная формула демократизма, тесно связанного с политическим опытом демократизации Европы, но трансформировавшегося, приспособляясь к потребностям и духу времени, к особым условиям русской жизни и задачам внутренней политики.

Само осмысление феномена своеобразия пути России шло разными путями. Свои интересы выразила та часть интеллигенции, которая выдвигала на первый план идею экономических интересов масс, воспринимала «народ» прежде всего как экономическую категорию — крестьянство, «земледельческий класс»; были и интеллигенты, воспринимавшие идею «народ» в духе немецкой философской классики; были и те, кто руководствовался принципом — необходимо решать задачи просвещения и освобождения общества; поэтому в их воззрениях и практике первое место отводилось интересам личности и идеалам самой интеллигенции. Очевидно, что политические установки и — шире — политическая культура решения этих вопросов, как она предложена в воззрениях разночинной интеллигенции, не укладывается в схемы «классовая потребность — ее осознание в интересе — воплощение в идеологии и политической программе». Перед нами образцы просветительской политической культуры. Поэтому в направлении деятельности журнала «Современник» нельзя видеть признаки всего лишь «экономического романтизма», а взгляды Писарева подводить под понятие мелкобуржуазного радикализма и т. п. Эти течения не были партиями в западноевропейском смысле, это были только «течения» общественной мысли, в которых воплощались

не интересы тех или других групп, а просто точки зрения, мировоззрение, интеллектуальные пристрастия, симпатии и нравственные запросы⁶.

В воззрениях идеологов разночинной интеллигенции можно увидеть новое качество политической культуры пореформенной интеллигенции: речь идет о саморефлексии своей политической задачи, которую можно определить как борьбу (и жертвенную борьбу!) за создание условий для развития гражданского общества в России. Общественные проблемы — необходимость и важность уничтожения сословных различий, обеспечения права на образование, свободу слова, свободу политического самоопределения русская интеллигенция все чаще связывала с задачами политической практики, с насущной необходимостью установить новые отношения между властью и обществом, которые бы дали обществу большую свободу. Именно в этом контексте следует, по нашему мнению, воспринимать программные позиции движения русской разночинной интеллигенции, начиная с 1860-х годов. Это было демократическое движение, которое стремилось к самоидентификации — прежде всего к политической самоидентификации.

Процесс самоидентификации социального движения предполагает выстраивание определенного идеала, которому следуют. В основании идеалов демократического движения русской интеллигенции 1860–1870-х годов как одного из субъектов эмансипаторского процесса положена идея личности, ее самоосуществления, моральной и нравственной независимости, обретения ею гражданского лица. Личность в своей подчиненности идеалу общего блага, растворяющегося в служении ему, или личность самодостаточная, самоценная — вот проблема, от решения которой во многом зависело, кто станет реальным актором политики построения гражданского общества в России.

Характеризуя народнических революционеров, Г.В. Плеханов говорил о том, что им «была присуща вера в возможность могущественного, решающего влияния нашей революционной интеллигенции на народ. Интеллигенция играла в наших революционных расчетах роль благодетельного провидения русского народа, провидения, от воли которого зависит повернуть историческое колесо в ту или иную сторону. Как бы кто из революционеров ни объяснял современное порабощение русского народа — недостатком ли в нем понимания, отсутствием ли сплоченности и революционной энергии или, наконец, полною неспособностью его к политической инициативе, — каждый думал, однако, что вмешательство интеллигенции устраним указываемую им причину народного порабощения» [10, с. 154–155].

Задача познания, теоретического решения социальных вопросов предполагала не только интерес к реалиям действительного мира – конкретного в своей культурной определенности многоукладного общества с причудливо переплетающимися традициями и нормами, но и известную свободу от этого мира, право дистанцироваться от него, чтобы осмыслить действительность с позиций ее критики. Главенствующей культурной ориентацией в критике различиями российских политических реалий и стал *нигилизм*⁷. Установка на нигилизм – принципиальная новация в русской политической культуре 1860–1870-х годов. В условиях пореформенной России он оказался тесно связан с радикализмом. Можно говорить о том, что нигилизм приобрел в русском радикализме своеобразное общественно-политическое воплощение, стал реальностью не только политического мышления, но и практики. Русский нигилизм можно считать одним из наиболее проблемных сюжетов не только в социально-политической истории России XIX века, но и в отечественной историко-философской и историко-политологической науке. Феномен русского революционного нигилизма, неизменно отождествляющийся в сознании сегодняшнего читателя со ставшим уже хрестоматийным обликом Д.И. Писарева, представляет собой значительно более сложное и противоречивое социально-историческое явление, его характеризует количественно достаточно внушительный список фигур и персоналий, взгляды которых все еще ждут специального исследования⁸. Общий смысл русского социально-политического нигилизма состоял в отрицании определенного комплекса политических приоритетов, принятых в российском обществе середины девятнадцатого столетия, и, в первую очередь, в отрицании таких ценностей, как самодержавное государство и его политические и социально-экономические институты (прежде всего крепостничество). Идеологическая картина России второй половины XIX века – пример самых разнообразных проявлений политического нигилизма. Нигилистические установки выражены в творчестве Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, П.Н. Ткачева, представителей народничества, публицистов «Русского слова», «Современника», эмигрантских печатных изданий и многих др. Одним словом, нигилистическое сознание в той или иной мере было присуще всей революционно-демократической традиции и нередко полностью с ней отождествлялось. Начиная с М.Н. Каткова и отчасти И.С. Тургенева, изобразившего в своем романе под именем «нигилистов» «людей, составлявших лагерь революци-

онной демократии» [14, с. 220], в либеральной и охранительной печати нигилизм неизменно выступал как сущностная черта всякого представителя левого крыла российского общества 1860–1870-х годов⁹.

Однако с термином «нигилисты» как понятием, обозначающем те группы и социальные слои русского общества, которые выступили с резким отрицанием традиционной идеологии, морали и норм жизненного поведения, были согласны далеко не все. И если молодежь, увлекавшаяся публицистами из «Русского слова» – Д.И. Писаревым, В.А. Зайцевым, Н.В. Соколовым и др., с гордым вызовом отождествляла себя с литературным образом Базарова¹⁰, то сотрудники «Современника» увидели в главном герое «Отцов и детей» карикатуру на «нового человека»¹¹.

А.И. Герцен (это видно по тону статьи 1864 года «Новая фаза в русской литературе») вначале критически относился к термину «нигилизм» как характеристике «нового поколения». «Московским доктринерам, – писал он, – надоело называть своих противников *материалистами*, они изобрели термин *нигилист*... Но говорить о *нигилизме* молодых людей, пламенных и преданных, лишь прикидывающихся отчаявшимися скептиками, – это грубая ошибка» [18, с. 263]. Позже Герцен прямо заявлял, что нигилизм – это то наследство, которое поколение 1840–50-х годов завещало идущим ему на смену «шестидесятиникам». Существенно то, что он вел речь об идеях «социально-политического» нигилизма. Самой идее нигилизма придавался прогрессивный, ценностный характер – это отрицание рабства, отстаивание независимости индивида, вера в светлое будущее, «страстное желание участвовать в нем» и т. д. Эти черты революционного нигилизма, полагал Герцен, получены современным поколением от декабристов, и уже Белинский имел право на этот титул. В этом смысле и Бакунин был «вполне нигилист», когда осудил французских революционеров за умеренность, и петрашевцы, стремившиеся низвергнуть «все божеские и человеческие законы», «разрушить основы общества», и, следуя логике основоположника русского социализма, сам Герцен¹².

Таким образом, обозначая преемственную связь между декабристами, Белинским, петрашевцами и молодежью, «сильной реализмом в науке и отрицанием во всех областях клерикального и правительственного фетишизма» [20, с. 321], Герцен защищал и оправдывал нигилистическое движение, наделял его положительным ценностным содержанием, обращенным в будущее. Нигилизм для Герцена, впрочем, как и

для всей революционной демократии, был отрицанием, но отрицанием всего отжившего, всего того, что, с его точки зрения, мешало прогрессивному развитию российского общества.

Положительной стороной деятельности разночинной интеллигенции было во многом всего лишь чувство, что они являются носителями новых устоев; это не вполне осознанный, не имеющий точных образов и определений, импульс к новому, порыв к будущему. И само отсутствие позитивной формы, четко сформулированной и обоснованной программы практической деятельности, отчасти и компенсировалось в глазах наиболее активной части образованной молодежи масштабами развертываемой ею тематики социально-психологического негативизма; оно было незаметно на фоне бескомпромиссной критики, отрицания и борьбы с прошлым. По замечанию В.О. Ключевского, «русская история опять разделилась на две неравные половины периода, дореформенную и реформированную, как прежде делилась на допетровскую и петровскую» [21, с. 553].

Более того, дореформенный период отрицался при этом столь яростно и беспощадно, подвергался столь разрушительной критике, что в сознании молодого поколения полностью заслонялся актуальностью и злобой настоящего дня, темами текущей борьбы, тем самым, теряя всякую свою ценность. Как писал Кропоткин в предисловии к первому русскому изданию «Записок революционера», «крепостное право и крепостные нравы – с тех пор как пронеслись над нами шестидесятые годы и прошла полоса очистительная критика нигилизма – как будто отошли куда-то очень далеко в бледную туманную перспективу времен» [17, с. 3]. Этот нигилистический менталитет позволил разночинцам поколения 1870-х годов просто проигнорировать отжившие, с их точки зрения, традиции и нормы социального творчества, сосредоточиться на современности, уделить все свое внимание проблемам настоящего и направить все свои усилия на созидание будущего. При этом «очистительное» значение в истории России нигилистов – «шестидесятников» выразилось не только в том, что они, сокрушив авторитеты, «подготовили почву» для дальнейшего развития отечественной демократической социально-политической мысли, заложенные ими в сознание образованной молодежи экстремизм и пафос отрицания по-прежнему продолжали играть не последнюю роль в идеологии и практике русского революционного движения. По словам того же Кропоткина, «нигилизм... наложил у нас свою печать на всю жизнь интеллигентного класса, и эта печать не скоро изгладится» [17, с. 266].

Примечания

1. См. подробнее: [1, с. 39–55; 2].
2. Наиболее радикальную позицию занимал в этом вопросе К.С. Аксаков. См.: [3, с. 36–49; 4, с. 110–126].
3. Достаточно вспомнить в этой связи таких русских просветителей, как С.Е. Десницкий, И.П. Пнин и В.В. Попугаев.
4. Об этих процессах Д.Н. Овсянко-Куликовский писал как об общественно-психологическом явлении первостепенной важности. «Им определилась целая полоса в умственном, идейном и моральном развитии передового русского общества, полоса, тянувшаяся от половины 50-х годов до глухого безвременья 80-х включительно. На этих-то психологических отношениях мыслящей части общества к народу и к «вековой тишине», царящей «во глубине России», и воздвигалось здание русского народничества всех его видов и оттенков» [8, с. 288].
5. Прочитируем еще раз «Историю русской интеллигенции» Д.Н. Овсянко-Куликовского: «Интеллигенция говорит сперва (пока она не многочислена): я и окружающее общество, и работа плодотворно и осмысленно в интересах окружающей, ближайшей среды, поскольку в этой последней есть спрос на «продукты» интеллигентного труда. Когда же интеллигенция разрастается и в ее состав уже входит почти вся окружающая среда, тогда интеллигенция становится лицом к лицу с народной массой и говорит: я и народ. И, разумеется, прежде всего, ждет со стороны народа спроса на свой труд, сочувствия, понимания, отклика. И когда оказывается, что нет отсюда ни спроса, ни сочувствия, ни отклика, — вот тогда-то и начинается та трагедия, которая выпала на долю русской интеллигенции» [8, с. 105].
6. «Современник» верил в глубокие творческие силы народа, «Русское Слово» решительно в них не верило и все свои упования возлагало на накопление в обществе, воспитанных на естествознании, критически мыслящих личностей, которые своим влиянием и примером пересоздадут мало-помалу всю общественную среду» [9, с. 353].
7. В контексте анализа определенной формы политической культуры важно, что нигилизм в концепциях 60–70-х годов XIX века выступил как принцип оценки, угол зрения в том социокультурном пространстве, в котором и развивалась радикальная политика противников русского самодержавия. Представляется целесообразным принять в качестве определения феномена нигилизма, как одного из системообразующих моментов политической культуры русской интеллигенции XIX века, следующее: русский нигилизм – это исторически возникший и обретший наибольшее влияние в среде российской разночинной интеллигенции середины XIX века тип (стиль) негативного мироощущения, ориентированного на критическое переосмысление и – в результате этого – на радикальное отрицание любых культурных, социальных, нравственных и эстетических норм, препятствующих, согласно его установкам, прогрессивному развитию российского общества в целом и всех его членов в отдельности. Это придало русскому нигилизму черты революционности и социального экстремизма. См. об этом: [11, с. 38–49].

8. См. об этом подробнее: [12, с. 208–234; 13, с. 42–43].

9. Примером такого понимания нигилизма может служить суждение Достоевского, различавшего «нигилистов» не по идейному содержанию их программ, а по степени критичности оценок, даваемых ими «гнушной российской действительности», и в данном случае «Современник» был для него «органом умеренных нигилистов», а «Русское слово» – «органом неумеренных нигилистов» [См.: 15, с. 102].

10. Как писал еще Герцен, в тургеневском герое Писарев «узнал себя и своих» [16, с. 305].

11. Надо отметить, что это обстоятельство, по свидетельству П.А. Кропоткина, «сильно огорчало Тургенева», который «без всякого сомнения, любил умственный облик Базарова» и не имел в мыслях намерения написать «карикатуру». В «Записках революционера» Кропоткин приводит следующие слова Тургенева, характеризующие отношение автора к своему герою: «...я любил его, сильно любил!.. Вот приедем домой, я покажу вам дневник, где записал, как я плакал, когда закончил повесть смертью Базарова» [17, с. 389].

12. «Их отрицание, – подчеркивает, говоря о сущности герценовской трактовки нигилизма, известный исследователь литературы и общественной мысли второй половины XIX века Ф.Ф. Кузнецов, – никогда не было отрицанием ради отрицания, но всегда – отрицанием ради утверждения». [19, с. 705].

Список литературы

1. Ширинянц А.А. Интеллигенция в политической истории XIX века // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2012. № 4. С. 39–55.
2. Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011.
3. См.: Мырикова А.В., Ширинянц А.А. Социально-политические воззрения К.С. Аксакова (библиографический очерк). Статья первая // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2010. № 2. С. 36–49.
4. Мырикова А.В., Ширинянц А.А. Социально-политические воззрения К.С. Аксакова (Библиографический очерк). Статья вторая // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013, № 4. С. 110–126.
5. Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 14. М., 1958. С. 157.
6. Герцен А.И. Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону. Письмо третье // Собр. соч.: В 30 т. Т. 12. С. 186.
7. Чернышевский Н.Г. Апология сумасшедшего // Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 616.
8. Овсянко-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. Часть первая // Собр. соч. Т. 7. СПб., 1910. С. 288.
9. Богучарский С. Очерки из истории русской журналистики XIX века // Из прошлого русского общества. СПб., 1904. С. 353.
10. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Избр. филос. произв. Т. 1. М., 1966. С. 154–155.
11. См.: Ширинянц А.А. Русское общество и политика в XIX веке: русский революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012, № 1. С. 38–49.
12. См.: Ширинянц А.А. О нигилизме и интеллигенции // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века. В.А. Зайцев. М., 2000. С. 208–234.
13. Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / Сост.: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянц; подг. текстов: А.В. Мырикова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 42–43.
14. Козьмин Б.П. Два слова о слове «нигилизм» // Козьмин Б.Н. Литература и история. М., 1982. С. 220.
15. Достоевский Ф.М. Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 20. Л., 1980. С. 102.
16. Герцен А.И. Еще раз Базаров // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М., 1975. С. 305.
17. Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990.
18. Герцен А.И. Новая фаза в русской литературе // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М., 1975. С. 263.
19. Кузнецов Ф.Ф. «Нигилизм» и нигилизм // Кузнецов Ф.Ф. Круг Д.И. Писарева. М., 1990. С. 705.
20. Герцен А.И. Письмо к Н. Огареву от 1 декабря 1868 г. // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М., 1975. С. 321.
21. Ключевский В.О. Русская историография. 1861–1893 гг. // Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 553.

FROM THE HISTORY OF SELF-DETERMINATION OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA: THE RAZNOCHINNAYA INTELLIGENTSIA OF THE 1860s-1870s

A.A. Shirinyants

This paper examines Russian intelligentsia's political activity in the 1860s-1870s as one of the first manifestations of self-determination of the civil society in Russia. The meaning of political culture of the *raznochinnaya* intelligentsia and the essence of Russian nihilism are revealed.

Keywords: Russia in the 19th century, *raznochinstvo*, Russian intelligentsia, nihilism.

References

1. Shirinyanc A.A. Intelligenciya v politicheskoy istorii XIX veka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 2012. № 4. S. 39–55.
2. Shirinyanc A.A. Nigilizm ili konservatizm? (Russkaya intelligenciya v istorii politiki i mysli). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011.
3. Sm.: Myrikova A.V., Shirinyanc A.A. Social'no-politicheskie vozzreniya K.S. Aksakova (biobibliograficheskij ocherk). Stat'ya pervaya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki, 2010. № 2. S. 36–49.
4. Myrikova A.V., Shirinyanc A.A. Social'no-politicheskie vozzreniya K.S. Aksakova (Biobibliograficheskij ocherk). Stat'ya vtoraya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2013, № 4. C. 110–126.
5. Gercen A.I. Russkie nemcy i nemeckie russkie // Gercen A.I. Sobr. soch.: V 30 t. T. 14. M., 1958. S. 157.
6. Gercen A.I. Staryj mir i Rossiya. Pis'ma k V. Lintonu. Pis'mo tret'e // Sobr. soch.: V 30 t. T. 12. S. 186.
7. Chernyshevskij N.G. Apologiya sumasshedshego // Poln. sobr. soch. M., 1950. T. 7. S. 616.
8. Ovsyaniko-Kulikovskij D.N. Istoriya russkoj intelligencii. Chast' pervaya // Sobr. soch. T. 7. SPb., 1910. S. 288.
9. Bogucharskij S. Oчерki iz istorii russkoj zhurnalistiki XIX veka // Iz proshlogo russkogo obshchestva. SPb., 1904. S. 353.
10. Plekhanov G.V. Nashi raznoglasiya // Izbr. filos. proizv. T. 1. M., 1966. S. 154–155.
11. Sm.: Shirinyanc A.A. Russkoe obshchestvo i politika v XIX veke: russkij revolyucionnyj nigilizm // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2012, № 1. S. 38–49.
12. Sm.: Shirinyanc A.A. O nigilizme i intelligencii // Russkaya social'no-politicheskaya mysl' XIX – nachala XIX veka. V.A. Zajcev. M., 2000. S. 208–234.
13. Russkaya social'no-politicheskaya mysl'. 1850–1860-e gody: Hrestomatiya / Sost.: I.YU. Demin, A.A. SHirinyanc; podg. tekstov: A.V. Myrikova, A.M. Rep'eva; pod red. A.A. Shirinyanca. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo uni-versiteta, 2012. S. 42–43.
14. Koz'min B.P. Dva slova o slove «nigilizm» // Koz'min B.N. Literatura i istoriya. M., 1982. S. 220.
15. Dostoevskij F.M. Gospodin Shchedrin, ili Raskol v nigilistah // Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. T. 20. L., 1980. S. 102.
16. Gercen A.I. Eshche raz Bazarov // Gercen A.I. Sobranie sochinenij: V 8 t. T. 8. M., 1975. S. 305.
17. Kropotkin P.A. Zapiski revolyucionera. M., 1990.
18. Gercen A.I. Novaya faza v russkoj literature // Gercen A.I. Sobranie sochinenij: V 8 t. T. 8. M., 1975. S. 263.
19. Kuznecov F.F. «Nigilizm» i nigilizm // Kuznecov F.F. Krug D.I. Pisareva. M., 1990. S. 705.
20. Gercen A.I. Pis'mo k N. Ogarevu ot 1 dekabrya 1868 g. // Gercen A.I. Sobranie sochinenij: V 8 t. T. 8. M., 1975. S. 321.
21. Klyuchevskij V.O. Russkaya istoriografiya. 1861–1893 gg. // Klyuchevskij V.O. Istoricheskie portrety. Deyateli istoricheskoy mysli. M., 1990. S. 553.